

Говоря это, Сяо Чжигэ не сводил взгляда с Ань Чанцина. До двадцати лет он и правда немало хлебнул горя и насмотрелся на людское равнодушие. Но он всегда помнил слова матери: «У каждого человека своя судьба. Кому-то сначала сладко, а потом горько, а кому-то сначала горько — и уж потом сладко. Мой сын с детства хлебнул лиха, но когда горе кончится, обязательно наступит счастье. Потерпи немного, не торопись». Сяо Чжигэ всегда помнил эти материнские слова. Он считал, что Ань Чанцин и есть его «счастье после горестей». Двадцать лет мытарств — не такая уж цена за остаток жизни, прожитой в покое и достатке вместе с Нюно.

Ань Чанцин не ведал, что творится у него в душе. Видя лишь его задумчивое лицо, он поразмыслил, запустил руку в холщовый мешочек, достал из бумажного свертка круглую светло-коричневую конфету из кедровых орешков и сунул её Сяо Чжигэ в рот.

— Теперь, когда я рядом, горько не будет.

Сладкий вкус растаял на языке. Сяо Чжигэ опустил взгляд и увидел, как Ань Чанцин улыбается ему, щуря глаза.

— Сладко?

Взгляд Сяо Чжигэ потемнел. Словно замороженный, он наклонился и поцеловал его, возвращая конфету обратно Ань Чанцину, и хрипло прошептал:

— Сладко. Попробуй.

Ань Чанцин держал во рту тающую конфету и смотрел на такое близкое лицо, и сердце его отчаянно колотилось, словно в груди били в большой барабан, — гулко и шумно, до головокружения.

Желая скрыть смущение, Ань Чанцин хрустко разжевал конфету, проглотил и высунул кончик языка:

— Вот, нет. — Он имел в виду, что это была последняя конфета в его мешочке.

Но Сяо Чжигэ не понял его смысла. Он лишь смотрел на мелькнувший и снова спрятавшийся розовый кончик языка и, не в силах сдержать щекотку в горле, снова потянулся к его губам.

Лёгкая сладость перетекала из одних уст в другие, даже дыхание стало приторно-сладким от кедровых орешков.

Ань Чанцин упёрся ладонями ему в грудь и оттолкнул, жадно глотая воздух.

Сяо Чжигэ прижал его к себе за спину и тихо проговорил прямо в ухо:

— Всё ещё сладко.

Ань Чанцин сверкнул глазами, вытер рот рукой и буркнул:

— Врёшь. Больше не целуй. — Иначе губы сотрут до крови.

У Сяо Чжигэ дёрнулся кадык, взгляд стал ещё глубже. Ловко пробежав пальцами по позвонкам Ань Чанцина, он хрипло спросил:

— Тот... рецепт, что я тебе дал, ты делал? Что-то в Яньчжоу я не видел, чтобы ты им

пользовался.

Услышав это, Ань Чанцин распахнул глаза, покраснел до корней волос и, заикаясь, выдавил:

— ...Кончился.

В Ецзине он каждый день проделывал всё, как было написано: использовал нефритовые палочки для подготовки, а когда шесть штук закончились, перешёл к дыхательным упражнениям и делал их перед сном. Это было скрытое занятие, и он, постеснявшись, ни разу не рассказал о нём Сяо Чжигэ, так что тот и не знал.

Заметив, что шея Ань Чанцина стала алой, Сяо Чжигэ тихо усмехнулся и добавил:

— Когда вернёмся в Яньчжоу, разделим ложе, хорошо?

Раньше он слишком осторожничал и слишком долго терпел. Теперь же уже с трудом сдерживался.

Ань Чанцин искоса покосился на него и пробормотал:

— И кто это тогда не хотел делить ложе?

Сяо Чжигэ поперхнулся, а через мгновение легонько поцеловал его в волосы:

— Я был неправ. Но-но, дай мне ещё один шанс, хорошо?

— Пойду проведаю Тасюэ. — Ань Чанцин резко встал, не ответив на вопрос, и пулей умчался к коню. Ухватившись за повод, он перевёл разговор: — Ты ведь говорил, что научишь меня ездить верхом? Ну что, будешь учить?

Сяо Чжигэ улыбнулся и направился к нему.

...

Когда они вернулись, вернулись и подчинённые, ездившие на охоту, — они уже разожгли огонь и жарили пойманных кроликов.

Ань Чанцин сидел в седле, а Сяо Чжигэ вёл коня под уздцы, и так они медленно приближались издалека. Подчинённые с удивлением переглядывались, про себя отмечая: кто бы мог подумать, что Бэйчжань-ван будет с кем-то так обходителен и нежен? Видно, женитьба и впрямь меняет человека.

Но вслух никто не проронил ни слова — все делали вид, что сосредоточенно жарят кроликов, и лишь исподтишка поглядывали на них.

Только Чан Цзайчан выглядел всё мрачнее. Он кисло напомнил:

— Мы едем воевать с сицянцами, а не нежности разводить!

Ань Чанцин засмутился, щёки его порозовели.

Сяо Чжигэ покосился на Чан Цзайчана и холодно бросил:

— Скажешь ещё слово — пойдёшь сам договариваться с сицянцами.

Это было больное место Чан Цзайчана. Он мигом умолк и виновато убрался обратно.

Рядом как раз жарил мясо один из подчинённых — довольно миловидный парень. Чан Цзайчан уселся у костра и уставился на него, задумчиво и мрачно. Руки парня уже начали дрожать, когда Чан Цзайчан вдруг спросил:

— И что, мужчина с женщиной — это правда так хорошо?

Руки парня дрогнули, и недожаренный кролик свалился прямо в огонь.

Переночевав под открытым небом, на рассвете следующего дня они снова собрались, сели на коней и двинулись в путь. К вечеру того же дня они наконец добрались до Лянчжоу.

Хотя Лянчжоу был ближайшим соседом Яньчжоу, они сильно отличались. В городе то и дело встречались иноземцы с высокими носами и глубоко посаженными глазами, да и местные жители одевались совсем не так, как в Да Е.

Сяо Чжигэ пояснил:

— Лянчжоу граничит с Сицянном, и сюда тайком бегут сицянцы, которым там житья не стало. — Впрочем, и в Лянчжоу у них не было постоянной прописки, но это всё же лучше, чем терпеть на родине унижения и гнёт, когда тебя продают, как скотину. Многие сицянцы осели здесь, некоторые породнились с местными, и за несколько поколений всё это смешалось в нынешний Лянчжоу.

Вместе с сицянцами сюда пришли и их обычаи, которые постепенно изменили местный быт, так что теперь Лянчжоу выглядел очень чужеземным. Ань Чанцин смотрел по сторонам на уличные лавки и лотки и не мог налюбоваться.

В городе они остановились в усадьбе Чан Цзайчана. Сяо Чжигэ должен был обсудить с ним, как противостоять Сицяну. Ань Чанцину делать было нечего, и он, прихватив охрану, пошёл осматривать город.

Хотя оба города находились на границе, Лянчжоу был куда оживлённее Яньчжоу. Из трёх северных областей Да Е именно Яньчжоу из-за своего расположения и из-за Сяо Чжигэ всегда оставался самой лакомой целью для Бэйди и местом наиболее частых сражений. Поэтому Яньчжоу и не мог похвастаться таким богатством и многолюдьем, как соседние Лянчжоу и Чэньчжоу.

Ань Чанцин со спутниками побродил по улицам, разглядывая занятные безделушки. Пройдя две улицы, они наткнулись на чайную, где выступали сицянские танцовщицы с обезьянками. Ань Чанцину это показалось забавным, и он зашёл передохнуть и выпить чаю.

Чай в Лянчжоу был необычным: вместо чайных листьев туда клали разные пряности и лекарственные травы. На вкус он был слегка солоноватым, и сразу его было трудно распробовать, но через пару глотков начинаешь чувствовать аромат.

Выпив два чайника и посмотрев, как пляшут обезьянки, Ань Чанцин заметил, что уже поздно, и собрался уходить. Выйдя за дверь, он увидел, что перед чайной собралась толпа, и оттуда доносились грубые мужские окрики.

В просвете между людьми он разглядел здоровенного детину, который хлестал бамбуковой палкой маленькую девочку. Ей было лет десять-одиннадцать, одета она была почти что в

лохмотья: плечи и руки голые, на ногах — чехол, похожий на рыбий хвост. Девочка стояла на коленях у большого чана с водой и дрожала, обхватив себя руками.

Ань Чанцин нахмурился, протиснулся сквозь толпу и из разговоров вокруг понял, что случилось.

Это были уличные артисты — отец и дочь. Девочка в рыбьем хвосте изображала русалку и показывала трюки в чане с водой. Во время номера она не смогла задержать дыхание, сбилась, и разгневанный отец наказывал её.

Смотреть на это было невыносимо, но раз это отец с дочерью, чужим не стоило вмешиваться. Люди лишь переговаривались вокруг да пытались уговорить детину. Но тот распалялся всё сильнее: говорил, что семья бедствует, мать девочки тяжело больна и ждёт денег на лекарство, а эта девчонка даже такого пустяка сделать не может.

Девочка молчала, опустив голову, вся мокрая, стоя на коленях.

И только когда детина проговорил: «Я столько сил на неё положил, вырастил её», девочка резко подняла голову и крикнула с ненавистью:

— Ты мне не отец! Не ты меня растил!

Детина запнулся, а потом снова с силой хлестнул её:

— Молчать! Если я не отец, то кто же?!

Девочка вздрогнула от удара, но упрямо повторила:

— Не ты!

<http://bllate.org/book/18381/1767770>